

Они и сами не знали, было ли это намеренно, но все как один нашли предлоги, чтобы просочиться в комнату. Кто-то принес чай, кто-то воду, а кто-то даже подсунул ей горячее полотенце, чтобы протереть руки. Однако Вэнь Цин видела, что в глазах у всех них мерцает странное возбуждение и предвкушение.

Она искренне не понимала, что такого захватывающего в том, что она просто поиграет на суоно.

А Цзян Юньцзюань по-прежнему сидела в кожаном кресле, невозмутимая и расслабленная, словно молчаливо поощряла слуг прийти и поглазеть на представление.

Честное слово, ей сейчас хотелось одной мелодией отправить Цзян Юньцзюань на тот свет!

Вэнь Цин глубоко вздохнула, взяла в руки суоно и только собралась надуть щеки, чтобы начать, как одна молоденькая служанка осмелилась подбодрить её:

— Госпожа, давайте, вы справитесь! Я так люблю песню Любить тебя десять тысяч лет.

— Точно-точно, госпожа такая внимательная, специально выбрала эту мелодию, чтобы признаться госпоже Цзян в любви?

— Конечно, ведь госпожа так сильно любит госпожу Цзян.

— Ах! Я даже прослезилась.

— Какая невероятная любовь! Даже мелодия звучит как признание!

Вэнь Цин: «...»

Серьезно, они что, все, черт возьми, слышали эту песню?!

Всё пропало, полный провал!

Цзян Юньцзюань, услышав их перешептывания, слегка нахмурилась и спросила:

— Вы все слышали эту мелодию?

Хм?

Цзян Юньцзюань не слышала?

Ой, ну тогда это меняет дело...

Постойте!

Меняет ли?

Это значит, что все вокруг знают, как она звучит, и только Цзян Юньцзюань — нет?!

Сердце Вэнь Цин снова ушло в пятки.

— Да, госпожа Цзян, — первой осмелилась ответить одна из служанок, видя, что остальные молчат. — В песне есть такие слова: Любить тебя десять тысяч лет, любить тебя, преодолев любые испытания, сквозь время и пространство, сближая берега, навеки соединив сердца. Это гимн вечной любви. Госпожа хочет сказать, что хочет быть с вами всю жизнь.

Цзян Юньцзюань взглянула на Вэнь Цин, на её лице не читалось ни гнева, ни радости:

— Всю жизнь?

Вэнь Цин сухо кашлянула и, улыбнувшись, кивнула:

— М-м...

Служанка прижала руки к груди:

— Госпожа, вы такая добрая, ваша любовь к госпоже Цзян так трогательна.

— ...

Как только она закончила, остальные слуги принялись поддакивать. Даже старый дворецкий прослезился:

— Госпожа, хоть я и не слышал этой песни, но даже от одних слов на душе становится так тепло.

— ...

Вэнь Цин про себя взмолилась, чтобы, когда она заиграет Прощай, любовь, все они вдруг оглохли, а если нет — пусть у них случится временная амнезия.

Может, тогда она отделается не такой позорной смертью.

Она всерьез подозревала, что в прошлой жизни совершила что-то ужасное, раз теперь, попав в книгу, вынуждена терпеть двойные мучения от Пёсьей системы и Цзян Юньцзюань.

О, точно!

Есть же ещё Пёсья система!

— Жухуа...?

— Сестричка Жухуа?

— Дорогая милашка Хуахуа, ты здесь?

— Можно мне ещё одну расписку? Дай мне какой-нибудь чит-код!

В голове было пусто, ни малейшего ответа.

Жухуа предпочла прикинуться мертвой.

Вэнь Цин улыбалась, но внутри у неё всё кипело от проклятий.

Делать нечего, пришлось идти напролом!

Стоя посреди гостиной перед кольцом из слуг, которые смотрели на неё с таким ожиданием, она была готова расплакаться.

А Цзян Юньцзюань всё так же сидела с непроницаемым лицом «холодной госпожи», что для Вэнь Цин выглядело как смертный приговор. Ей казалось, что Цзян Юньцзюань специально подстроила эту ловушку.

— Госпожа, давайте!

— Госпожа, не бойтесь!

— Всё в порядке, госпожа, вы лучшая!

— ...

Звуки ободрения со всех сторон заставили Вэнь Цин сделать глубокий вдох. Она решилась, подняла суоно и начала играть.

Надув щеки, она выдала первую фразу:

— Я не могу предсказать, поможет ли смирение...

— Но мне так жаль, что друзьям приходится так страдать от любви...

Она закончила, помедлила и обвела взглядом слуг.

Улыбки на их лицах застыли, едва зазвучали первые ноты суоно.

Они переглядывались, словно говоря:

— Это что, Любить тебя десять тысяч лет?

— Не может быть, я не знаю такой версии!

— Тогда что это?

— Да я, черт возьми, и сам не знаю!

Вэнь Цин: «...»

Могли бы вы быть хоть чуточку менее заметными?

Она украдкой посмотрела на Цзян Юньцзюань. К счастью, та смотрела только на неё и не заметила слуг, которые впали в ступор, гадая, то ли госпожа сфальшивила, то ли они сами ослышались.

Вэнь Цин одарила Цзян Юньцзюань уверенной улыбкой и продолжила игру.

Она решила, что раз уж зашла так далеко, то нужно играть до конца.

Жизнь — это театр, всё держится на актерской игре!

Кто первый дрогнет, тот и проиграл!

Звуки суоно — инструмента, известного своей наглостью, — разнеслись по всей резиденции Цзян.

Надо признать, системные читы работают отлично, даже ноты не нужны.

Цельная, плавная мелодия лилась из раструба, звучала то нежно, то надрывно.

Вэнь Цин решила, что её выступление вполне можно считать успешным.

С этим можно хоть в Венскую филармонию за наградой, хоть на конкурс десяти лучших молодых исполнителей на суоно в сельской местности.

Конечно, если не обращать внимания на то, как слуги смотрели на неё с немым вопросом «Какого черта?!», когда она выводила: «Прощай, любовь — желаю тебе счастья...»

В остальном всё было идеально.

Она медленно опустила суоно и поклонилась присутствующим.

Затем с улыбкой спросила:

— Ну как, вам понравилось моё исполнение Любить тебя десять тысяч лет?

Слуги не знали, как реагировать.

Один из слуг-мужчин первым пришел в себя. Он понял: госпожа хочет, чтобы они назвали черное белым!

Будучи человеком честным, он тут же хотел возразить:

— Госпожа! Как вы можете...

Но не успел он договорить, как Вэнь Цин одарила его таким свирепым взглядом, будто говорила: «Если откроешь рот, я тебя уничтожу!»

Слуга испугался и поспешно отступил, не смея больше проронить ни слова.

В этот момент кто-то из самых смысленых начал хлопать, и по гостиной разнеслись аплодисменты.

Посыпались восторженные возгласы:

— Госпожа играет просто божественно!

— Да-да, так трогательно!

— Давно не слышал такой пронзительной музыки!

Все улыбались, фальшиво поддакивая. Даже старый дворецкий тайком утирал слезы платочком.

Вэнь Цин удовлетворенно кивнула и скромно произнесла:

— Ну что вы, вы слишком добры. Вы говорите неправду, но мне приятно это слышать. Я ни на кого не сержусь, правда. Вас тронула эта мелодия?

«Да кто ж посмеет не тронуться!» — подумали все, содрогнувшись от страха.

Они решили, что госпожа явно угрожала им: если хоть кто-то скажет правду, им не поздоровится.

Вэнь Цин с улыбкой повернулась к Цзян Юньцзюань:

— Дорогая, а ты что скажешь? Тебе понравилось моё исполнение Любить тебя десять тысяч лет?

Цзян Юньцзюань потерла переносицу и, приподняв бровь, посмотрела на неё:

— Вэнь Цин, с чего ты взяла? Я от начала до конца не услышала ни одного знакомого слова из этой песни.

— ...

— А? Разве? — Вэнь Цин тут же начала импровизировать. — Наверное, я так нервничала, выступая перед тобой впервые, что что-то перепутала.

Цзян Юньцзюань посмотрела на слуг:

— Это так?

Слуги перевели взгляд с Цзян Юньцзюань на Вэнь Цин, которая смотрела на них с материнской нежностью, и мгновенно поняли, чью сторону принять. Они закивали:

— Да... именно так...

В конце концов, это дела супругов, и что толку говорить правду?

Может, они просто шутят. А вот если разозлить госпожу, можно и работы лишиться.

К тому же, кто знает, может, песня Прощай, любовь — это их особый вид супружеских игр, куда им, слугам, лезть не стоит?

Цзян Юньцзюань задумалась и, наконец, поднялась:

— Вэнь Цин, сегодня вечером сопровождай меня на банкет.

Вэнь Цин опешила:

— А? На какой банкет?

Цзян Юньцзюань нахмурилась:

— Ты не хочешь?

— Нет, что ты... Просто переживаю, поздно ведь, а мне, девушке, возвращаться в северную часть города одной небезопасно...

Цзян Юньцзюань застегнула пуговицу пиджака:

— После окончания вечера Старик Хэ отвезет тебя домой.

Вэнь Цин больше не знала, как отказаться, и могла лишь согласиться:

— Ну, хорошо...

— О, кстати, — Цзян Юньцзюань посмотрела на неё. — Я должна тебе кое-что сказать.

От этого взгляда по спине Вэнь Цин пробежал холодок, она поняла, что ничего хорошего не будет.

— Чт... что?

Цзян Юньцзюань спокойно ответила:

— Твой отец...

— Он наконец-то сдох?! — выпалила Вэнь Цин, но, спохватившись, тут же поправилась: — Ой... я хотела сказать, неужели отец скончался? Мне так грустно...

Цзян Юньцзюань помолчала и бесстрастно произнесла:

— Нет.

Она так и знала, что папаша оригинала не мог так легко умереть. Он ещё должен был попортить ей крови в будущих главах, как он мог уйти так просто?

Она нерешительно спросила:

— Тогда что с ним?

— Твой отец сказал, что запускает новый проект и ему нужен стартовый капитал. Он только что взял у меня два миллиарда.

Вэнь Цин: «???»

Да вы издеваетесь?!

— И кстати, — Цзян Юньцзюань улыбнулась. — Он использовал тебя как поручителя. Сказал, что если не сможет вернуть деньги, то платить будешь ты.

Вэнь Цин смотрела на Цзян Юньцзюань, и выражение её лица менялось от недоумения к шоку, а от шока к ужасу. В конце концов, она выдавила из себя лишь два слова:

— Па... папочка...

Цзян Юньцзюань потеряла дар речи. Она перебрала в уме все возможные реакции Вэнь Цин, но никак не ожидала, что эта женщина от страха назовет её папочкой.

Цзян Юньцзюань приподняла бровь:

— Как ты меня назвала?

Вэнь Цин: «...»

Это что, легендарное...

Сюжет о властном генеральном директоре, где маленькая женушка расплачивается за долги отца?

Вэнь Цин проводили в гостевую спальню, где Цзян Юньцзюань уже распорядилась подготовить платье для банкета.

Вэнь Цин редко бывала в резиденции Цзян. Она пересмотрела слишком много ужастиков и теперь считала, что такие старые особняки полны призраков, которые только и ждут, чтобы выскочить и забрать её жизнь. Особенно когда рядом была холодная, как лед, Цзян Юньцзюань — Вэнь Цин чувствовала себя здесь крайне неудобно.

Однако, несмотря на холодный характер, у Цзян Юньцзюань был отличный вкус. Платье, которое она подготовила, было роскошным, в стиле богатой светской львицы. Разрез на бедре подчеркивал ноги — пусть у самой Вэнь Цин ноги были не самыми длинными, но платье определенно выигрышно смотрелось на фигуре.

— Госпожа, мы выйдем, позовите, если что-то понадобится.

Вэнь Цин, не поднимая головы, ответила:

— Хорошо.

Едва они вышли, не успев даже закрыть дверь, как она услышала шепот:

— Госпожа и госпожа Цзян... они помирились?

— Наверное. Разве стала бы госпожа играть на суоно в резиденции Цзян, если бы они не помирились?

— Но... госпожа ведь играла Прощай, любовь...

— Думаю, они правы. В наших ушах это Прощай, любовь, а в сердце госпожи Цзян — это Любить тебя десять тысяч лет!

— ???

— В конце концов, любовь ослепляет, разве ты не знала?

— Не очень... Но ведь госпожа Цзян ещё пару дней назад хотела развестись, а теперь...

— Ты что, глупая? Ты разве не слышала, как госпожа назвала её папочкой?

— Па... папочкой?!

— О, так ты не слышала? Какая жалость. Впрочем, госпожа говорила тихо, так что не вини себя.

— Но что такого в том, что она назвала её папочкой?

— Это их супружеские игры! Игры, понимаешь? Представь... если они в постели, и госпожа со слезами на глазах, такая беззащитная, шепчет: «Папочка... не надо... папочка, я ещё хочу...»

— Мамочки! Это же так волнующе!

Вэнь Цин: «...»

Они что, думают, она оглохла?!

И главное — с чего бы это Вэнь Цин звать Цзян Юньцзюань папочкой в постели?

Да ещё и со слезами на глазах?

Размечтались!

Хотя, при мысли о холодном, сдержанном лице Цзян Юньцзюань, если бы они действительно оказались в постели...

Хм, а ведь и правда, есть в этом что-то возбуждающее.

Тут же она одернула себя: «Очнись, Вэнь Цин! Ты же злобная жена! Нельзя идти по пути оригинала! Если ляжешь с Цзян Юньцзюань, тебя сотрут в порошок!»

— Вэнь Цин, значит, ты сама всё понимаешь? — ледяной голос Жухуа прозвучал в голове.

Вэнь Цин кашлянула:

— Что это за сарказм в твоём голосе?

Жухуа с досадой ответила:

— Как твоя система, я обязана предупредить: у тебя не должно быть никаких неуместных мыслей о главной героине!

— Неуместных? Хотеть переспать с ней — это неуместно?

— Хозяйка, прошу, не произноси слово «переспать» перед молодой системой. Мне ещё нет и десяти тысяч лет, я ещё малыш, — голос Жухуа стал серьёзным.

— Да ладно?! — Вэнь Цин не выдержала. — Я вообще-то её законная жена! Даже если я хочу переспать с ней, что в этом такого? И вообще, три года! Три года перед глазами такая красавица, а ты можешь только смотреть, но не трогать! Ты бы выдержала?

Жухуа долго молчала, а потом спросила:

— Вэнь Цин, скажи честно, ты всегда так неудовлетворена?

Вэнь Цин: «???»

Не то чтобы всегда...

Ну, пару раз в неделю.

Конечно, она не могла сказать это Пёсьей системе, поэтому честно покачала головой:

— Совсем нет!

— Сори, но я не верю.

— ...

— Хотя у нас, систем, нет человеческих чувств и таких импульсов, как у тебя, но, проанализировав данные, я могу посоветовать тебе заняться бегом, йогой или пилатесом. Иначе это плохо кончится.

Вэнь Цин не хотела продолжать этот разговор, чтобы окончательно не потерять лицо, и сменила тему:

— Сегодня вечером Цзян Юньцзюань берет меня на банкет. В оригинале там должна появиться первая важная второстепенная героиня, верно?

Жухуа ответила:

— Да, это холодная кинозвезда Мэн Цзысинь. Твоя задача — соблазнить её, чтобы она влюбилась в тебя и не стала препятствием на пути отношений Цзян Юньцзюань и Су Лиян.

Вэнь Цин помнила: Мэн Цзысинь была главной красавицей шоу-бизнеса. Без связей и богатых родителей, благодаря таланту и упорному труду, она стала всенародной любимицей.

Но в оригинале Вэнь Цин случайно обидела её на банкете, и когда появилась «белая лилия» Су Лиян, Мэн Цзысинь не только влюбилась в неё, но и начала активно травить Вэнь Цин, врага своей возлюбленной.

В конце концов, Вэнь Цин сама виновата, что её жизнь превратилась в ад: она была подозрительной и мелочной, нажила себе врагов среди влиятельных людей, которые в итоге отомстили ей.

Вэнь Цин задумалась:

— Соблазнить Мэн Цзысинь несложно, но... у меня возник вопрос.

— Слушаю, хозяйка.

Вэнь Цин не выдержала и выругалась:

— Пёсья система, ты забыла?! Я ещё не развелась с Цзян Юньцзюань! Если я буду флиртовать с Мэн Цзысинь у неё на глазах, это же наставит ей рога?!

Одна мысль о том, чтобы изменять Цзян Юньцзюань в открытую, заставила её содрогнуться. Даже если это поможет не допустить превращения Цзян Юньцзюань в злодейку, она убьёт её прямо сейчас!

— Если посмотреть с этой стороны, то ты права...

— Вот именно! Можно я откажусь от этого задания?

— Нет, это обязательное задание от системы.

— Какая идиотская система это придумала?!

— ...Я сама.

— ...

Вэнь Цин вышла из комнаты в вечернем платье. Цзян Юньцзюань уже ждала её.

Увидев её, она на секунду задержала взгляд на наряде, а затем отвела глаза.

Вэнь Цин подошла к ней и нерешительно сказала:

— Цзян Юньцзюань, я не слишком вызывающе выгляжу? Я немного нервничаю...

Цзян Юньцзюань окинула её взглядом и с усмешкой произнесла:

— А я думала, тебе нравится именно такое.

— А?

Вэнь Цин замерла. Что она имела в виду?

Она покраснела:

— Ну что ты... Разве может быть такое? Декольте слишком глубокое, боюсь, как бы не случилось конфуза. Что делать, если я опозорюсь?

— Это значит, что качество платья оставляет желать лучшего. Дворецкий лично потребует компенсации.

— ...

Она что, спрашивала про компенсацию?!

Она пыталась сказать, что всё ещё остается той самой скромной девушкой!

Раньше Цзян Юньцзюань всегда гладила её по руке и холодно утешала, а теперь...

Цзян Юньцзюань уже не обращала на неё внимания и направилась к выходу.

Вэнь Цин не знала, что на неё нашло, но тихо пробормотала вслед:

— Тьфу!

— Собака!

— Ты изменилась!!

<http://bllate.org/book/21446/2191735>